

ЛИДИЯ ГРИБАС

Противостояние

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ЧАСТЬ 1

МАЛЕНЬКАЯ НАСТЕНЬКА

Ли́дия Грибас

**Противостояние. Часть
1. Маленькая Настенька**

«Автор»

2019

Грибас Л.

Противостояние. Часть 1. Маленькая Настенька / Л. Грибас —
«Автор», 2019

ISBN 978-5-532-07042-4

Красавица Сибирь... суровые сибирские морозы... конец 90-х - начало 2000 г. Настенька - подросток из простой семьи. Потеряв родителей, Настя обретает приемную семью, где ее окружают теплом и заботой, но не таким уж безгрешным оказывается приемный отец Насти Марк. Жизнь девушки в богатой благополучной семье оборачивается жизнью, полной боли и крови... Обложка выполнена с помощью ресурса Canva. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07042-4

© Грибас Л., 2019
© Автор, 2019

Лидия Грибас

Противостояние. Часть 1. Маленькая Настенька

Уважаемый читатель, история выдумана автором от начала до конца. Любые совпадения, просто совпадения и не более того.

«Ошибся тот, кто сказал, что лихие 90-е прошли.

Они никуда не прошли.

Они научились маскироваться и выжидать.

Они – всегда были! Есть! И будут!

Ибо всегда в этом мире

Была! Есть! И будет!

Человеческая жестокость.

Незнающая пощады, даже к маленьким,

Ни в чем неповинным детям.

И всегда были! Есть! И будут! Те,

Кто пытается этой жестокости противостоять!

Вечное противостояние,

Незнающее конца!

Пролог.

20.. год.

Город Ижевск район Кирово ул. Николая Архипова.

Раннее июньское утро. Я вышла на балкон с чашкой кофе и сигаретой. Прохладный свежий ветерок обдувает мое лицо. Прекрасное утро. Хорошая перспективная работа впереди. Сегодня мне предстоит поездка в соседний город – Ивановск. Моя фирма занимается строительством, в Ивановске мы планируем отстраивать заброшенный район. Дело обещает быть выгодным, предстоят, в основном ремонтные работы, которые хорошо окупятся, по завершению проекта. Все бумаги подписаны, договоренности улажены, осталось лишь кое-что подписать в местной администрации. В общем, все вроде хорошо: удачная сделка, дома не держат ни муж, ни дети, работу, вполне, можно совмещать с летним отдыхом, но настроения у меня, определенно, нет. Мне совершенно не хочется возвращаться в этот тихий, небольшой городок, находящийся в часе езды от краевого центра – города Ижевска, где я сейчас живу...

Телефонный звонок прервал мои мысли, я взяла трубку.

– Аллю, привет, Глеб.

Глеб – мой близкий друг, с которым мы не только тесно общаемся, но и вместе работаем, уже неделю находится в Ивановске.

– Привет, Настя, – бодро ответил он. – Встреча в администрации, назначена на 12 – 00.

– Хорошо, я уже выезжаю. Как дела на месте?

– Все путем: рабочих расселил, кухарку им нашел, тебе квартиру снял, – так же бодро продолжал Глеб.

– Молодец, я через пару часов буду, жди, – хмуро ответила я.

Отключив телефон, я сложила в машину вещи и документы и отправилась в путь. Выехав из города, находясь в полном одиночестве, я снова стала думать об Ивановске, мои мрачные мысли вернулись ко мне.

Ивановск – мой родной город, где я родилась и жила до 14-ти лет. Воспоминания о детстве, самом счастливом и беззаботном периоде в жизни человека, у меня совсем не радостные.

Вернее о последних нескольких годах, прожитых в Ивановске. В общем и целом, у меня было счастливое беззаботное детство...

Сейчас, я уверенный в себе человек. Преуспевающий бизнесмен, имеющий авторитет в своем городе и не только в своем. С моим мнением считаются, далеко не каждый осмеливается мне возразить. Кто-то меня боится, кто-то уважает, но такой авторитет и такое положение дались мне очень не просто. Потом и кровью, в прямом смысле. Мурена – так называют меня в узких кругах. Независимая, сильная женщина, я всегда смотрю только прямо и иду только вперед, если нужно – напролом. Далеко не каждому в 25-ть лет дано то, что имею я, но, далеко не каждый заплатил бы ту цену, которую пришлось заплатить мне. Я и сама, не платила бы ее ни за какие блага мира, но у меня ни кто не спрашивал, просто так сложилась моя жизнь. Я считаю с мнением окружающих, но теперь уже, ни кого и ни чего не боюсь и решения всегда принимаю сама, лишь те, которые сама считаю верными.

Ребята, с которыми я дружу и работаю, откровенно считают меня мужиком в юбке и относятся ко мне соответственно. Мои верные преданные друзья, я ценю и уважаю их. Очень многое нам пришлось пережить вместе. Мы – верные друзья, каких в мире очень мало, к сожалению, многих из нас уже нет. Есть лишь один человек, с которым я советуюсь, прислушиваюсь и чему-то учусь у него, это – мой отец, но даже он не в силах повлиять на меня кардинально. Есть люди, которых я уважаю, но нет в мире человека имеющего надо мной власть...

Да, теперь я сильная и независимая, а тогда...

Глава 1.

Город Ивановск.

199. год

Мы жили в этом городе втроем: мама, папа и я. Обычная семья. Мама – бухгалтер, папа имел свой небольшой бизнес, а именно пару магазинов. Я росла красивой умной девочкой. В 5-ть лет меня отдали в спортивную школу, точнее – тяжелая атлетика и различные единоборства, с детства меня привлекал тяжелый спорт. Я делала успехи, не уступая даже мальчишкам, которые были старше меня. Поступив в школу, проблем с учебкой у меня тоже не возникало, давалась она мне легко, я успевала изучать, что-то дополнительно. Мама и папа обожали меня, радовались такому покладистому ребенку. Не смотря на любовь к спорту и несколько мальчишеский характер, я была доброй наивной девочкой, не способной на жестокость. Сколько себя помню, я всегда презирала ложь и лицемерие, никогда не врала и не изворачивалась, я умела признавать свои ошибки. Очень любила проводить время с отцом, он очень много рассказывал обо всем, мне казалось, что в мире не существует темы, которую он не смог бы поддержать и раскрыть. Я любила познавать все новое и просто засыпала отца всевозможными вопросами, он без усталости болтал со мной, раскрывая мне загадки вселенной. Забота и любовь мамы заполняли мою душу и сердце любовью, она научила меня не судить, а пытаться понять человека или ситуацию. Рассудительность и справедливость, родители вкладывали в меня эти качества любовью, заботой и пониманием...

Вполне приличная семья думали все, и я так думала, лет до 10-ти. Потом выяснилось, что дела у отца идут не так уж и хорошо. Года два он еще старался, что-то изменить, крутился, изворачивался, но, в результате, «по уши» увяз в долгах. Продал бизнес, но долги все равно остались немалые. Он набрал кредитов, устроившись простым рабочим. Так он протянул еще год и начал пить. Теперь мама работала на двух работах, чтобы гасить кредиты отца, я, как могла, помогала ей по дому. Отец же, просто спивался, дома стали случаться скандалы, он напивался и начинал орать на меня и на мать, чего раньше никогда себе не позволял.

Он любил нас, я знаю это, просто не выдержал натиска судьбы и «сломался», а водка делала свое дело – уничтожала в нем личность. Мне очень не хватало его, его рассказов и

внимания, я очень надеялась, что когда-нибудь все встанет на свои места. Я очень любила отца, не смотря ни на что, маму я просто боготворила...

Одна из работ мамы была ночной и я, чтобы не оставаться дома одной с пьяным отцом, стала ходить в ночной клуб, где у меня появились друзья старше меня, мои одноклассницы, по ночам гулять еще не ходили. Я не начала пить и курить с остальными клубными посетителями, я ходила туда просто, чтобы не быть дома. Я всегда выглядела старше своих сверстников: была выше ростом, а спорт сделал мои руки и ноги сильнее, спину шире. Ввиду сложившихся семейных обстоятельств, вела я себя совсем не, как глупый подросток, так что в 14-ть лет, никто не давал мне меньше 17-ти. Девчонки, с которыми я ходила в клуб, были на два – три года старше меня, выглядели мы ровесницами.

Ночной клуб «Эльвира»

Придя в клуб, я обнаружила, что мои приятельницы уже порядком навеселе, находятся в обществе молодых парней. Мне очень не нравилась их разгульная жизнь, девчонки очень торопились повзрослеть, я не понимала их, но... в глубине души, они были добрыми и наивными, у нас находилось немало общих интересов.

Из соседнего города на выходные, отдохнуть и «клеить» девчонок в наш клуб приезжали молодые парни. В отличии от меня, мои подруги во всю кутили с приезжими парнями. Я поражалась – они просто с ума сходили при виде этих парней и готовы были сами их клеить. Мне же, было интересно и весело в их компании, я отвлекалась от домашних проблем, но не более того, ни алкоголь, ни парни меня не интересовали. Стройная красивая девушка, в отличии от своих подруг, носивших мини, я всегда ходила в джинсах, майке и кроссовках, густые длинные волосы всегда были сплетены в тугую косу. Я ходила в ночной клуб не в поисках принца, а просто, для общения.

Сегодня вместе со всеми стоял парень, который обычно держался в стороне и вел себя заметно скромнее своих друзей. Я уже несколько раз видела его в нашем клубе, но до сих пор не была с ним знакома. Герман – 24-ре года, высокий, стройный, широкоплечий брюнет с ярко-синими глазами. Прикид у всей компании был почти одинаковый: джинсы, обтягивающая торс, футболка, короткая черная кожаная куртка. Мужественный, привлекательный, видно, что не бедный и перспективный. Герман любил балагурить, шутить но, в отличии от своих раскрепощенных друзей, не «клеил» девочек, и это нравилось мне в нем.

Я подошла к девчонкам, они курили у клуба и не скрывали своего веселого настроения.

– Настюха, привет! – бодро поздоровались они.

– Привет, – спокойно ответила я.

– Герман, знакомься, это – Настя, – весело сказала Маша, с остальными парнями я была знакома.

– Герман, – ответил он, пристально посмотрел мне в глаза и протянул мне руку.

– Очень приятно, – смущаясь, ответила я, нерешительно протянув руку ему.

Продолжая смотреть мне в глаза, он нежно сжал мою ладонь, я сама не понимала, почему я растерялась, но чувствовала себя очень неуверенно. Девчонки покурили и вернулись в клуб, я осторожно высвободила свою ладонь из рук Германа и прошла следом за девчонками. Пройдя в зал, девчонки присели к столу, их парни принесли им пиво – веселье продолжалось. Рядом с Германом стояла бутылка пива, которую он так и не выпил за весь вечер, весь вечер он смотрел на меня, от его откровенных взглядов мне становилось неловко, я старалась не смотреть на него. Наши захмелевшие друзья пустились в пляс, Герман присел ближе ко мне, я напряглась внутренне, но не показывала виду.

– Не против? – он снова смотрел на меня.

– Нет, – неуверенно ответила я и отвела взгляд.

– Выпьешь?

- Нет, – по моему тону, Герман понял, что его вопрос не очень понравился мне.
- Извини, просто не знаю с чего начать разговор, – несколько смутившись, сказал он.
- Разговор, о чем? – спросила я, он видел, что я все еще напряжена.
- Ни о чем, просто поговорить.
- Говори, – ответила я, напряжение слегка спало.
- Чем ты занимаешься?...

Мы весь вечер болтали с ним ни о чем, я перестала чувствовать себя скованно и неуверенно, но его прямой взгляд, в конце вечера, снова заставил меня смутиться.

- Я могу проводить тебя? – спросил он.
- Но, только если просто проводить, – серьезно ответила я.

Он улыбнулся и мы вышли из клуба.

- А идем гулять, – предложил он, когда мы были на пол пути к моему дому.
- Куда? – снова напряглась я.
- Ну, просто гулять, – его, явно, веселила моя реакция.

Мы гуляли почти до утра, рассказывая друг другу о себе, особо не вдаваясь в подробности.

- Ну, все, я дома, – сказала я, когда мы подошли к моему дому.

– Настя, – тихо сказал он и взял меня за руку, я снова напряглась, я прекрасно знала, *как* мои подруги встречаются с его друзьями, он чувствовал мое напряжение.

- Мы увидимся в следующие выходные? – спросил он и посмотрел мне в глаза.
- Ну, да. Наверное, – неуверенно ответила я...

Теперь каждые выходные он приезжал в наш город и все выходные мы проводили вместе. Однажды он признался, что уже давно хотел познакомиться со мной, но не знал, как и здесь ему помогла моя приятельница.

Спустя какое-то время, я поняла, что он очень нравится мне, я скучала без него, когда он уезжал, а когда приезжал снова, чувствовала, как сердце замирает при встрече с ним. У нас завязались теплые дружеские отношения. Мы подолгу болтали, гуляя по ночным улицам. Герман, явно, хотел большего, чем просто прогулки под луной, но я не давала ему повода думать, что меня, как многих девиц из клуба, можно просто взять и увезти к себе домой, многие были бы счастливы уехать с ним, но я была не такой, как они. Да, Герман очень нравился мне, наверное, это была моя первая, еще детская любовь, но я не хотела торопиться и упорно продолжала держать дистанцию. Да и к тому же, кем был он и кем, теперь, была я – вечно работающая мать и спивающийся отец. Герман об этом не знал – проявлял знаки внимания: цветы, подарки. *«Я все равно украду тебя и увезу»* – шутил он. Резко и, наверное, грубо я оттолкнула его, когда он в первый раз попытался поцеловать меня. Я подумала, что сейчас он обидится и уйдет. Навсегда. Но он не ушел. *«Прости»* – сказал он и мы продолжали гулять по ночному городу, теперь он просто держал меня за руку.

Я не говорила Герману о родителях и даже подумать не могла, что он знал обо мне и моей семье все, еще до того, как познакомился со мной...

В тот день отец начал пить с самого утра, не похмеляться, а именно пить. К обеду к нему явились четверо незнакомых мне мужчин.

«Опять его друзья – алкоголики» – подумала я.

Мама была на работе, я убирала дом и готовила обед, случайно я подслушала их разговор.

... – Ты деньги брал на полгода, прошел год, – грубо сказал один из мужчин.

– Я отдам, – отвечал отец.

– Я заеду вечером, где ты возьмешь бабло, не мое дело! – здоровяк был взбешен. – Дочку свою продай! – орал он. – Время у тебя до вечера!

Они ушли, я поняла, что это совсем не алкоголики и речь идет о немалой сумме, раз четыре амбала пришли к отцу домой, но спрашивать ничего не стала – бесполезно.

К вечеру домой пришла мама, посмотрела на вновь пьяного отца и махнула рукой. Я не стала ничего ей говорить – не хотела расстраивать, а, наверное, стоило.

– Ты гулять сегодня идешь? – спросила она.

– Не знаю, не собиралась, – ответила я.

– Иди, сходи, что дома – то сидеть? Лето, каникулы, иди развейся, чем смотреть на все это бл...во, – я впервые слышала, чтобы мама ругалась.

У нас с ней были теплые доверительные отношения. Она всегда знала, где я и с кем, не боялась отпускать меня по ночам – была уверена, что я не начну дуреть. Мама очень любила меня и жалела, видя сегодняшнее, неменяемое состояние отца, она, чуть не силой, отправила меня гулять. Я совсем не хотела никуда идти, не хотела оставлять ее одну, но не стала спорить с ней, чтоб не расстраивать ее еще сильнее. Видимо материнское сердце чувствовало, что сегодня ночью мне дома лучше не быть...

В клубе все были в сборе: и девчонки, и парни из Ижевска. Пили пиво, смеялись, шутили, Герман рассказывал какие-то байки – шумно и весело проводили время. Но совсем не весело было мне, на сердце была какая-то непонятная тревога и, где-то за час до закрытия, я все же решила идти домой.

– Настя, – ко мне подошел Герман. – Ты уже уходишь? – спросил он.

– Да, я пойду. Герман, извини, у меня совсем нет настроения, – ответила я.

Он серьезно посмотрел мне в глаза.

– Настя, я поговорить с тобой хотел, это очень важно для меня, – тихо сказал он, взяв меня за руку.

Но я была совершенно не настроена говорить с ним.

– Герман, прости, я лучше пойду. Давай поговорим в другой раз, хорошо? – меня просто тянуло домой.

– Хорошо, – помрачнев, ответил он. – Идем, я проведу.

– Не нужно, Герман, я сегодня сама.

Он удивленно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Я очень хотела, чтоб он проводил меня, хотела погулять с ним по ночному городу, но чувство тревоги не покидало меня, мне хотелось бегом бежать домой.

Подойдя к дому, еще с дороги я услышала шум. Сердце тревожно забилося в моей груди. Сквозь занавеску на окне я разглядела фигуры мужчин.

«*Снова они*» – подумала я и решила войти тихонько, чтоб они не видели меня. Дверь в дом была открыта, я стояла на веранде, не решаясь войти.

Крики, шум – завязывалась драка. Я увидела, как на шум, из комнаты на кухню прошла мама. Мужики начали махать кулаками, она пыталась утихомирить их.

«*Мамочка, куда же ты...*» – додумать я не успела. Один из мужиков ударил маму кулаком по лицу. Падая, она ударилась головой об угол стола, на полу образовалась лужа крови, мама не двигалась.

– Су.а! – заорал отец и бросился на мужика.

Я стояла, застыв от ужаса, не зная, что делать. Отец схватил мужика за горло и начал его душить, но тот взял, лежавший на столе, нож и несколько раз ударил отца в живот.

В этот момент на веранде хлопнула открытая дверь, начиналась гроза и дверь захлопнуло ветром. Мужики подняли головы и увидели меня.

– Стой! – заорали они.

Я рванула на улицу, один из них побежал за мной. Ливанул дождь, капли застилали мне глаза, я бежала, не разбирая дороги. Мужик бежал следом, спасибо спорту, он отставал метров на 20-ть, но я понимала, что рано или поздно, он догонит меня, догонит и убьет. Меня ослепил

свет фар встречной машины. Вместо того чтобы отбежать на обочину, я бросилась ему прямо под колеса. Если бы водитель вовремя не затормозил, то размазал бы меня по асфальту.

– Ты что, дура?! – заорал он, выглянув в боковое окно.

Я подняла голову – Герман, видимо, возвращался из клуба. Хорошо, что он один, ребята, наверное, с девчонками ушли. Он вышел из машины, понял, кто перед ним стоит и усадил меня в машину.

– Ты что, рехнулась совсем? Я же мог тебя раздавить! – возмущенно, сказал он.

Я посмотрела на дорогу, мужик, который бежал за мной, уже подбегал к нам.

– Поехали! Пожалуйста, поехали! – перепугано, сказала я.

Герман тоже увидел мужика.

– Кто это? – серьезно спросил он, когда мы немного отъехали.

– Не знаю, – тихо ответила я.

Я не знала кто это, но я на всю жизнь запомнила их гнусные рожи.

Герман посмотрел на меня и, наверное, только сейчас разглядел, на кого я похожа: волосы растрепанные и мокрые от дождя, перепуганный взгляд, искаженное ужасом лицо. **«Вид затравленного зверька»** – подумала я о себе. Меня трясло и я никак не могла унять эту дрожь. Герман съехал на обочину, остановил машину и посмотрел на меня.

– Что случилось? – спросил он.

Я не знала, что делать. Мысли бешено проносились в голове **«... нужно вызвать милицию, ... а может, мама еще жива?.. а может, они оба еще живы?..»**

– Герман, ты можешь помочь мне? – продолжая дрожать, спросила я.

Я не хотела его во все это впутывать, но обратиться мне больше было не к кому.

– Если смогу, конечно, помогу, – ответил он, серьезно посмотрев мне в глаза.

– Этот мужик на дороге и там еще трое, – я пыталась говорить спокойно, но все время сбивалась и заикалась, меня по-прежнему бил озноб, руки сильно дрожали и голос тоже. – Они убили моих родителей...

– Как? – Герман встрепенулся и ошеломленно смотрел на меня.

Я никогда раньше не плакала, не позволяла себе этого, но сейчас, я понимала, что сейчас я просто разревусь.

– Я понимаю, что тебе все это не нужно... – меня душили слезы, я не могла нормально разговаривать. – Ты просто вызови милицию и отвези меня домой, – из глаз моих покатались слезы, я еле сдерживалась, чтобы не зареветь в голос.

– Ты можешь рассказать, что произошло? – Герман был встревожен, но не растерян и не напуган, держался вполне уверенно.

Заикаясь и всхлипывая, я рассказала ему, что произошло. Он молча выслушал меня и повернул ключ зажигания. Когда мы подъехали к моему дому, милиция уже была там, видимо соседи вызвали. Герман вышел со мной из машины.

– Может, я одна пойду? Зачем тебе все это, на допросы будут вызывать...

– Идем, – уверенно, сказал он.

Мы вошли в дом. Милиция осматривала и фотографировала тела.

«Тела! Господи, мамочка!!!»

Я хотела броситься к ним, обнять, растормошить, я не могла поверить, что все это правда. Чтобы не закричать в голос, я взяла Германа за руку и с силой сжала его ладонь.

– Вы кто? – спросил нас оперативник, когда мы вошли в дом.

Я рассказала, кто мы и что сегодня произошло, описала мужиков и их машину. Меня сотрясала невероятная дрожь, в горле стоял ком боли, не давая мне нормально говорить. Герман стоял рядом со мной, со спины, крепко сжимая мои плечи. Соседи подтвердили, что эти люди были сегодня здесь. Вообще-то, допрашивать меня никто не имел права, но сейчас, видимо, никого не интересовало, сколько мне лет, оперативник записал мои паспортные дан-

ные в протокол, но, видимо, не сообразил, что мне еще нет 18-ти. Молодой совсем, мы с ним выглядели почти ровесниками. Допрашивали нас часа два, потом отпустили. Когда тела выносили из дома, Герман повернул меня к себе лицом и крепко прижал к своей груди, не давая мне смотреть на них. Я изо всех сил обняла его, уткнувшись лицом ему в плечо, чтобы не сорваться на истеричный рев. Тела увезли, оперативники опечатали дом и уехали.

Я присела на лавку рядом с домом, меня, по-прежнему, бил озноб, по щекам катились слезы, которые я не могла больше сдерживать. Я из последних сил заставляла себя не разреветься в голос. Герман присел рядом и крепко обнял меня за плечи, я попросила у него сигарету, хотя, никогда раньше, даже не пробовала курить.

– Не стоило тебе со мной ходить, сейчас задолбают, будут на допросы вызывать, – тихо сказала я.

– Меня не будут, – уверенно, ответил он. – Да и тебя тоже. Завтра сходишь и все.

Я не предала значения его уверенности. Как это не будут? Я потерпевшая, ты свидетель. Мне было не до этого. Я думала о том, что делать дальше. Как жить? Куда идти?..

– Ты куда сейчас? – спросил меня Герман.

Я молчала, мне некуда было идти. Дом опечатан, да и входить в него мне совсем не хотелось.

– У тебя есть родные в этом городе? – снова спросил Герман.

– У меня, вообще, никого больше нет, ни в этом городе, ни в другом, – тихо ответила я.

– Поехали ко мне, – твердо сказал он и встал с лавки.

Я продолжала молча сидеть.

– Поехали, – повторил Герман. – Что ты, так и будешь на лавке сидеть?

Я подумала, что деваться мне все равно некуда, и пошла за ним.

Герман привез меня к себе домой, вернее не к себе домой, а на квартиру, которую он снимал, чтобы отдохнуть в Ивановске в выходные, дал мне свой халат и отправил в ванную. Приняв горячую ванну, я немного успокоилась и согрелась, меня уже не трясло так сильно. Герман усадил меня на диван и дал мне кружку горячего чая, сам присел рядом со мной. Допив чай, я окончательно согрелась.

Герман сел ближе ко мне, обнял одной рукой за плечи и тихонько поцеловал меня в висок – я напряглась. Он почувствовал, что я готова спрыгнуть с дивана.

– Ты боишься меня, Настя? – удивился он.

Я молчала.

– Ты что, подумала, что я стану приставать к тебе?

В ответ я лишь неуверенно посмотрела на него.

– Я что, на подонка похож? – возмутился он. – Ты, сегодня потеряла родителей, я хотел поддержать тебя. Прости, я не знаю, как это делать, я впервые в такой ситуации.

Мне стало неловко. Он единственный, кто был сегодня рядом со мной, не бросил меня одну, переживал за меня и ведь кроме него у меня, вообще, никого больше не осталось, совсем никого...

– Герман, прости, я не хотела...

Он крепко обнял меня.

– Все будет хорошо, Настенька, – тихо сказал он.

Герман так много хотел сказать Насте. Он уже год приезжал в этот город только ради нее, очень хотел сказать ей, как сильно он любит ее. Но, он понимал, что сейчас, это просто не уместно. Ей больно, ей плохо, ей, вообще, сейчас не до него, может, ей вовсе и не нужна его любовь. Он молчал, а через день ему нужно было уезжать и он не знал, когда снова сможет приехать в Ивановск. А что будет дальше? Может она уедет теперь отсюда навсегда и они никогда больше не смогут встретиться. Ему не удалось поговорить с ней сегодня в клубе..., возможно, он, вообще, уже никогда не сможет поговорить с ней потом...

- Настя, – робко заговорил он. – У тебя, что же, совсем никого нет?
- Нет, – обреченно ответила я, понимая, что впереди меня ждет лишь интернат.
- Где ты теперь будешь жить? – напряженно спросил он.
- Не знаю, – ответила я, я даже думать об этом не хотела.
- Настя, – он нежно посмотрел мне в глаза. – Поехали со мной.
- Вряд ли это возможно, – ответила я.
- Но почему, Настя? Я давно уже хотел сказать тебе... Я очень люблю тебя, Настя, – он замолчал.

Странно, сегодня Герман не похож был на, всегда веселого, шутника – балагура, который, как казалось, вообще не бывает серьезным, постоянно шутит и смеется. Сейчас передо мной был не весельчак – Герыч, а взрослый, вполне серьезный и ответственный парень, мне было непривычно видеть его таким.

– Настя, я понимаю, что все это не вовремя, тебе совсем не до меня сейчас, но я уезжаю и я не знаю, когда теперь мы сможем увидеться снова. Я прошу тебя, поехали со мной.

– Это невозможно, Герман, – меня снова душили слезы, сегодня погибли родители, а завтра меня лишат последнего близкого человека, заперев меня в интернате.

– Но почему, Настя? Я очень люблю тебя, я обещаю, что сделаю для тебя все, что в моих силах. Ты не веришь мне? – тихо и нежно спросил он, поцеловав мою ладонь и прижав ее к своей щеке. – Я совсем не нужен тебе?

– Дело не в этом, – тихо ответила я, из глаз моих снова покатались слезы.

Он обнял меня, прижав к своей груди, и тихонько погладил меня по голове.

– Почему, Настя? Поверь, ты очень нужна мне.

Я подняла голову от его груди и посмотрела ему в глаза.

– Герман, ты знаешь, сколько мне лет?

– Я думаю, 17-ть, – неуверенно ответил он.

– Нет, Герман. Мне совсем не 17-ть, и даже не 16-ть. Мне 14-ть, и завтра, после допроса следователя, меня определят в приемник – распределитель, а после сдадут в интернат, – из моих глаз безудержно текли слезы, я закрыла лицо ладонями, не в силах больше сдерживать плачь.

Герман обнял меня.

– Настенька, не плачь, милая, все будет хорошо.

Я крепко прижалась к нему, продолжая плакать.

Герман задумался. Конечно, он не перестал любить Настю, ее возраст не пугал и не отталкивал его, он готов был ждать ее сколько угодно, лишь бы однажды назвать ее своей, но ситуация стала сложнее.

– Настенька, – нежно сказал он. – Я ни кому не отдам тебя, слышишь, никому. Я очень люблю тебя. Я буду ждать, маленькая моя, я ни кому не отдам тебя.

До рассвета оставалось пару часов, а днем предстояло много дел. Герман расстелил мне постель, сам остался сидеть в кресле. Я не могла спать. Уткнувшись носом в подушку, я продолжала плакать. Герман лег рядом со мной.

– Настенька, иди ко мне, – он повернул меня к себе лицом, я уткнулась носом ему в грудь, он крепко обнял меня и поцеловал в щеку. – Настенька, маленькая моя все будет хорошо, – тихо шептал он.

Я так и уснула, крепко прижавшись к нему.

В восемь утра нас разбудил звонок следователя, номер телефона вчера оперативнику оставил Герман. Следователь требовал, чтобы я явилась в отделение.

– Началось, – пробормотала я, вставая с постели.

Умылась, привела себя в порядок и поняла, что у меня образовалась проблема.

– Гера, мне бы как-нибудь домой попасть, – сказала я.

- Но дом опечатан, туда пока нельзя, – ответил он.
- Но у меня, кроме паспорта, ничего нет, мне даже переодеться не во что.
- Съездим к следователю, потом решим этот вопрос, – успокоил меня Герман. Пока мы ехали в отделение, Герман разговаривал по телефону.
- Аллю. Папа, привет.
- Привет, Герман, ты где?
- Папа, мне необходимо задержаться в Ивановске дня на три.
- Что случилось? Ты снова взялся за старое?
- Нет, папа. Дело очень серьезное, это не телефонный разговор. Я приеду и все объясню.
- Хорошо, пока.
- Пока, папа.

В кабинете следователя, помимо него самого, сидел оперативник и две женщины в гражданском, как выяснилось позже, представительницы опекунского совета. Следователь все-таки установил, что допрашивать меня еще нельзя и сегодня пригласили представительниц. Спрашивал он тоже, что и вчера оперативник. Я повторила все, что видела и знала. Потом он разложил передо мной десяток фотографий, на которых я опознала всех четверых, что были вчера. В милиции знали кто они, но никак не могли их «взять». Следователь закончил допрос, ко мне обратилась одна из представительниц.

– Скажи, Настя, у тебя есть кто-то из родных? – спросила она.

– Нет, – ответила я.

– Но ты же понимаешь, что тебе всего 14-ть лет и ты не можешь жить одна. Я думаю, уже сегодня ты должна поехать с нами, – говорила представительница с явным безразличием.

– Но как же похороны? – растерянно спросила я.

– Похороны возьмет на себя государство, а ты пока побудешь у нас. Возможно, найдется семья, которая захочет тебя удочерить, – было видно, что ей глубоко наплевать на меня, она просто делала свою работу.

«Интернат! Сегодня! Сейчас! Нет!!!»

Я обреченно посмотрела на Германа.

– Уже есть семья, которая готова удочерить Настю, – уверенно сказал он.

– И что же это за семья? – язвительно спросила представительница.

– Марк Генрихович и Марта Аскольдовна Гретман, – все так же уверенно отвечал Герман. **(Гретман – здесь и далее, произносится через «э» – Грэтман).**

Услышав эту фамилию, представительницы, как-то поутихли, впрочем, как и следователь, которому Герман предъявил паспорт, когда мы вошли в кабинет, он даже разрешил Герману присутствовать на допросе.

– К вам, в опекунский совет они смогут подъехать через неделю, – продолжал Герман. – И похороны мы организуем сами. Когда мы можем забрать тела покойных? – он обратился к следователю.

– Я думаю, около полудня, сегодня, – ответил следователь.

– Всего доброго, – сказал Герман присутствующим в кабинете следователя, взял меня за руку и вывел из кабинета.

Началась сумасшедшая суета. Дом все еще был опечатан, родителей привезли домой к соседке, с которой дружила мама.

Похороны организовал Герман, точнее похоронное бюро, которое Герман проплатил. Родителей привезли и внесли в дом. Я готова была сойти с ума, увидев их.

«Папа! Мама! Мамочка!»

Я бросилась к гробу матери и начала рыдать, не замечая никого вокруг.

– Мама! Мамочка! – кричала я, обнимая ее гроб. – Мамочка! Милая моя, не оставляй меня одну! – горько и жалобно рыдала я у гробов родителей, не желая отходить от них.

Герман взял меня за плечи, пытаюсь поднять меня от гроба.

– Пусти! – кричала я. – Я не хочу уходить от них! Я не хочу оставаться без них! Я хочу с ними! Мама!!!

Герман перестал отстранять меня от гробов, просто держал за плечи. Я безудержно рыдала еще минут сорок, целуя то отца, то маму.

– Мамочка, папочка заберите меня с собой! Не оставляйте меня одну! Ну, пожалуйста!

В комнату вошли мужчины, пора было выносить гробы из дома.

– Не-е-е-т! – закричала я.

Герман изо всех сил прижал меня к себе. Соседка подала ему стакан с успокоительным, он взял его и поднес к моим губам.

– Настенька, выпей, маленькая моя, – тихо сказал он.

– Как мне жить дальше, Герман? – спросила я, выпив успокоительное и посмотрев на него.

Он не знал, что мне ответить и снова крепко обнял меня.

Напившись успокоительных, я перестала истерить, лишь крепко сжимала ладонь Германа, который не отходил от меня ни на минуту.

Стоя на кладбище, перед покойными родителями, я уже не рыдала и не убивалась. Я смотрела на маму и думала: **«Ну как же так, мамочка? Как я теперь одна? За что тебя больше нет со мной?»** В душу закрадывалась пустота. Пустота и тупая, ноющая боль в груди и все... Душа кричала, разрываясь от боли, но я не могла плакать, вместо слез на щеках, в душу забиралась жестокость. Лишь несколько слезинок скатилось по моим щекам, когда я в последний раз целовала родителей. Позже, став старше, я не позволяла себе плакать никогда, боль, поселившаяся в сердце, не давала этого сделать, вместо слез на глазах в душе становилось все больше жестокости.

«Сегодня я осталась совсем одна. Что дальше?»

Поминальный обед для соседей заказали в кафе. Мы с Германом туда не пошли, отправились к нему домой. Приехав, он наскоро накрыл стол, поставив на него бутылку водки. Налив рюмки, он протянул одну мне, я растерянно взяла ее, не решаясь выпить.

– Ты ни разу не пила? – удивился Герман.

– Нет, – сухо ответила я.

– Я не настаиваю, но я бы на твоём месте выпил, – сказал он.

Как ни странно, но выпила я легко. Наверное, состояние было настолько отрешенное, что даже водка, сегодня, была водой.

– Тебе очень плохо? – спросил меня Герман, наблюдая, как легко я опрокинула первый в жизни стакан водки.

– Не знаю. Какая-то, до сих пор неведомая мне, тупая ноющая боль в груди. Боль и пустота, – ответила я. – У меня хватит сил жить дальше, но я не знаю как. Против меня закон, а я совсем одна, что со мной будет в интернате, я даже представить не могу, как я смогу там жить.

Герман сидел напротив меня, взяв мои ладони в свои, он внимательно посмотрел мне в глаза.

– А, как же я, Настя? Ты совсем не воспринимаешь меня всерьез?

– Ты хочешь, чтобы тебя посадили из-за меня? Малолетки, Герман, не рядовой гопстоп и просто откупиться, вряд ли удастся, даже тебе.

– Ты разве не слышала, что я сказал дамам из опеки?

– Да, сегодня тебе удалось запудрить им мозги и они меня отпустили, но через неделю они снова станут искать меня и найдут, – мрачно ответила я.

– А я никому не пудрил мозги, я говорил серьезно, – возмутился Герман

– Ты с ума сошел?

– Ты против?

– Я против того, чтобы ты сошел с ума.

Я встала и начала убирать со стола, водка не дала желаемого результата – я была напряжена и расстроена, да и Герман тоже. Он встал из-за стола, прошел до окна и закурил, я подошла и обняла его со спины.

– Герман, я очень благодарна тебе за все, что ты сделал для меня. Я не хочу расставаться с тобой, очень не хочу, но ты же знаешь – чудес не бывает.

Он повернулся ко мне лицом.

– Я докажу тебе, что бывают, – уверенно сказал он.

– Все, давай, хотя бы сегодня, не будем больше об этом говорить, – я готова была сорваться. – Что ты, сам меня удочеришь? – съязвила я и ушла в ванную.

Передо мной стояла еще одна проблема – мне нужно было вымыть голову. Мою длинную и густую косицу, всегда мыла и расчесывала мама и, как теперь с этим справляться я не знала. *«Мама, мамочка – я снова ощутила пустоту одиночества. – Как же я теперь без тебя? Ничего, я сильная, я справлюсь. Я обязательно справлюсь со всем, что выдаст мне судьба и, когда-нибудь, я найду этих уродов. Найду! И каждому из них вспорю брюхо!»*

Я набрала ванну до половины и безуспешно пыталась «выстирать» свои волосы, по моему, у меня получалось лишь запутать их.

Я простояла, согнувшись над ванной минут 20-ть и ничего толкового у меня не выходило. В глаза попала пена, мне пришлось их закрыть. Волосы путались и расплывались по ванне, спина затекла и ныла. Я злилась от своей беспомощности и от злости готова была придушить сама себя. В полголоса кленя свою беспомощность, я не услышала, как дверь ванной открылась. Герман наблюдал, как безуспешно я борюсь со своими волосами.

– Тебе помочь? – спросил он.

Я вздрогнула от неожиданности. *«Герман! Господи! Я голая! В одних лишь трусах!»* Мне было очень стыдно, я закрыла грудь руками.

– Не смотри! Выйди, пожалуйста! – попросила я.

Он продолжал стоять.

– Настя, перестань. Ты же не справишься сама. Давай помогу.

Он снял футболку и подошел ко мне. Я готова была сгореть со стыда. В отличии от некоторых своих подруг, я не гуляла с парнями. Даже мама не видела меня голой, я не снимала бюстгальтер, когда она мыла мне голову. Я не знала, что делать – справиться сама, я не могла. Герман склонился надо мной.

– Настя, не бойся меня. Я помогу тебе и выйду. Хорошо?

Я кивнула, не в силах сказать ни слова. Герман ловко собрал мои волосы, вымыл и прополоскал их так, будто делал это постоянно. Затем он замотал мою голову полотенцем. Я стояла, зажмурив глаза и закрывая грудь руками. Герман вышел из ванной, я открыла глаза. *«Господи, какие еще потрясения ждут меня сегодня?»* Я домылась и вышла из ванной, Герман, улыбаясь, посмотрел на меня и сам ушел в душ.

Пока я мылась, он расстелил постель – одну?! Вчера я была в таком шоке, что мне было все равно где голову приклонить, но сегодня?

Когда он вышел из ванной, я сидела на краю постели и, так же безуспешно, пыталась расчесать волосы. Подняв голову, я взглянула на него, из одежды на нем было лишь, намотанное на бедра, полотенце. Мои щеки запылали с новой силой. На этот раз он не спрашивал, нужна ли мне помощь, сам видел, что нужна, просто взял из моих рук щетку для волос, я встала, чтоб ему было удобнее. Запутала я их, конечно, основательно, но Герман, не торопясь, бережно прочесывал каждую прядь.

– Прежде, мама тебе помогала? – спросил он.

– Да, и мыла и расчесывала, теперь, наверное, придется обрезать, – с тоской ответила я. Расчесав волосы, Герман сплел их в косу.

– Не нужно ничего обрезать, – он нежно посмотрел мне в глаза. – Я буду тебе и мамой и папой...

Я не дала ему договорить.

– Герман! Ты опять?

– Хорошо, – спокойно сказал он. – Об этом говорить будем завтра.

«Да, не о чем здесь говорить» – подумала я.

Он потушил верхний свет, включил ночник и присел на постель, облокотившись спиной на подушки. Я стояла и не знала, что мне делать, что вот так, запросто лечь к нему в постель?

– Настя, – он пристально смотрел на меня.

«Какой он все-таки добрый и милый» – подумала я, посмотрев на него, продолжая стоять в полной растерянности.

– Настя, ты так и будешь стоять? Спать ты тоже, стоя будешь? – он смотрел в мое растерянное лицо, понимая, что я не знаю, как поступить. – Присядь, пожалуйста, рядом со мной.

Я покорно подошла и присела рядом с ним.

– Настя, ну, перестань уже, бояться меня, – тихо и нежно сказал он.

– Я не боюсь, – робко ответила я.

– Боишься, я же вижу и я не понимаю почему.

Он взял меня ладонью за подбородок и попытался поцеловать меня, но ему удалось лишь слегка коснуться моих губ, я отпрянула от него.

– Я не... – я не знала, как ему сказать.

Многие мои подруги уже спали с парнями, некоторые с его друзьями и он знал об этом. Он, видимо, и обо мне думал то же, а я?... Он внимательно смотрел на меня, все еще не понимая мою неприступность. Я посмотрела ему в глаза.

– Герман, я... Я... еще никогда...

Теперь запылали его щеки, он удивленно смотрел на меня.

– Какой же я дурак, – прошептал он. – Настенька, милая прости меня, – он обнял меня и нежно поцеловал в щеку. – Я – кретин. Девочка моя, я еще сильнее люблю тебя.

Теперь он не знал, что ему делать, мы сидели, облокотившись на подушки, он просто держал меня за руку.

– Теперь ты меня боишься? – пошутила я.

– Ну, да, – признался он, одной рукой он обнял меня за плечи, другой, ладонью тихонько коснулся моей щеки. – Настенька, милая моя я очень люблю тебя, безумно хочу тебя, но я, никогда не сделаю тебе плохо. Если ты не хочешь, если ты не готова скажи, я не буду настаивать. Если ты, поэтому не хочешь ехать со мной, не стоит, Настя, я не трону тебя. Я буду ждать столько, сколько будет нужно. Хочешь, я уйду в другую комнату? Скажи, Настенька, – он смотрел мне в глаза нежным взглядом, полным любви.

Я думала о том, что завтра он уедет, меня заберут в интернат, возможно, мы никогда больше не увидимся... Что будет со мной в интернате?

– Нет, – тихо сказала я. – Не уходи.

... Нежно – нежно он целовал мои губы... тихонько сняв с меня халат, он обнимал мои плечи... Мне было стыдно, я была напряжена, он чувствовал это.

– Настенька, милая, – шептал он, нежно целуя мою шею, плечи. – Не бойся, девочка моя... Доверься мне, Настенька...

Уложив меня на постели, он склонился надо мной и внимательно посмотрел мне в глаза.

– Да, Настенька? Ты хочешь этого? – нежно спросил он.

– Да, – тихо ответила я.

Его губы, нежно коснулся моей груди... крепкие руки легли на мои бедра... он скинул с себя полотенце... я закрыла глаза...

– Настенька, любимая моя... Моя милая маленькая девочка... Моя... Ты только моя, Настенька...

Наутро, Герман проснулся самым счастливым человеком, когда он открыл глаза, я уже не спала и выглядела совсем не такой счастливой, как он, скорее наоборот.

– Что-то не так? – взволнованно спросил он, присев на постели. – Скажи, я сделал, что-то не так?

– Нет, все хорошо, – я пыталась улыбаться, а самой хотелось плакать.

Герман склонился надо мной и нежно поцеловал меня.

– Тогда почему моя принцесса грустит? – он смотрел на меня влюбленными счастливыми глазами.

Несколько минут я молча смотрела на него, потом все-таки спросила.

– Во сколько ты уезжаешь?

– Почему это, Я – уезжаю? – возмутился он и присел на постели. – МЫ – уезжаем!

– Герман, не начинай, пожалуйста! – я тоже присела, мы громко спорили. – Что ты скажешь родителям? Я украл подростка и через неделю ее будут искать!

– Настя, это не я начинаю! Это ты продолжаешь упираться! Я же сказал вчера, как мы поступим! – он готов был сорваться на крик, крепко взяв меня ладонями за плечи. – Я ни кому не отдам тебя! Слышишь? Ни кому и никогда! – взгляд у него сейчас был такой, что он, наверное, придушил бы даму из опеки, попадись она ему, он сильнее сжал ладони и, наверное, сам почувствовал, что делает мне больно. – Прости, милая, – уже спокойно сказал он, отпустил мои плечи и крепко обнял меня.

– Настенька, я умоляю тебя, поедem со мной. Неужели ты не понимаешь, что я не смогу жить без тебя? Настя, пожалуйста.

– Герман, я очень не хочу терять тебя, ты единственный, кто есть у меня в этом мире, но ты же понимаешь, что все это бред. Что? Ну, что ты скажешь отцу? – я очень не хотела расставаться с ним.

Он взял мои ладони в свои и посмотрел мне в глаза.

– Скажи мне, девочка моя, – тихо сказал он. – ТЫ – хочешь жить со мной? ТЫ – готова разделить свою жизнь со МНОЙ? ТЫ – хочешь быть МОЕЙ женой? – он с надеждой смотрел на меня.

– Да, – твердо ответила я.

Он снова крепко обнял меня.

– Настенька, я весь мир переверну, но ни кому не отдам тебя.

– Но, как же отец? Ты понимаешь, о ЧЕМ ты хочешь просить его?

– Он поймет меня. Он должен понять меня! – Герман снова повысил голос.

– А если нет? – не успокаивалась я.

– Деньги сейчас решают многое, но я уверен, отец должен понять меня, – уверенно сказал он. – Соберись, мы скоро выезжаем.

– Но, мне нечего собирать, – ответила я.

– Ну, да. Дом, кстати, уже открыли, мы можем съездить туда, – сказал он.

– Герман, там, наверное, нужно убрать? – меньше всего мне хотелось возвращаться туда.

– Ну, тогда шустрей, одевайся, поехали, – бодро сказал он...

Когда мы подъехали к дому, мое сердце сжалось в комок. Мой милый родной дом... Еще несколько дней назад у меня была семья, были родители, а теперь их нет и прежней жизни тоже больше нет.

После той ужасной ночи, сюда никто еще не входил, и теперь мне предстояло отмыть здесь всю кровь. Когда мы вошли, в доме стояла невыносимая вонь – запах закивших продук-

тов, просто валил с ног. Герман пооткрывал настежь все окна и двери. Я взяла два больших мешка для мусора и стала сбрасывать туда все подряд. Набрал два ведра горячей воды, я перемыла все комнаты, оставалась кухня, я до последнего не хотела входить туда. Герман, видимо, это понимал.

– Хочешь, я сам там уберу? – спросил он.

– Не нужно, Герман, я должна сама.

– Сама, а я тебе помогу.

Дверь на кухню, до сих пор оставалась закрытой и, когда мы открыли ее, помимо запаха испорченных продуктов, в нос ударил запах, разлитой на полу и оставшейся в стаканах, водки. Герман открыл окно, в него ворвался чистый свежий воздух.

Я стояла, уставившись в пол, там были два больших пятна, уже засохшей, крови и два, обрисованных мелом силуэта, недавно лежавших здесь, в неестественных позах, людей.

– Настя, ты как? – спросил меня Герман, видя мое оцепенение.

– Нормально, – тихо ответила я.

Мы перемыли всю посуду, собрали весь мусор. Пол – я смотрела на него и снова вспоминала, ту ужасную ночь, когда в один миг, я осталась совсем одна на всем белом свете. **«Я все равно найду вас всех! Найду и выпущу вам кишки!»** – думала я, отмывая, присохшую к полу, кровь. И это были не просто мысли обиженного ребенка. Эти мысли, с неистовой яростью, очень крепко засели у меня в мозгу и в сердце. **«Я все равно, найду вас всех!»**

– Ну, все, – сказала я, наконец, закончив с уборкой и собрав вещи.

– Едем? – спросил Герман.

– Да. На кладбище заедем?

– Конечно.

По дороге Герман купил большой букет кроваво – красных роз. Кроваво – красные розы... Раскладывая их на могилах родителей, я все еще не верила в то, что их больше нет. Ни кто не сможет заменить мне мать. Ни кто не сможет заменить мне ее любовь и заботу! Ни кто! Даже Герман. **«Не впускай в свое сердце жестокость»** – когда-то говорил мне мой любимый дедушка, но именно она сейчас заполняла мою душу. Мне не хотелось рыдать, мне хотелось найти этих уродов и раздавить их, я была уверена, что когда-нибудь, я сделаю это. Герман обнял меня за плечи, мы еще немного побыли на кладбище и ушли.

– Прощайте, родные мои, – прошептала я, в последний раз взглянув на могилы родителей и, не оборачиваясь, пошла к машине.

Уходя с кладбища, я думала о том, что уже никогда я не смогу быть наивной и доверчивой. Я уже не буду ребенком, которого опекает мать. Сейчас, я не просто уезжала из Ивановска. Я уезжала из детства, так жестоко оборванного и впереди меня ждала совсем другая, взрослая жизнь, где не будет заботливой мамы. Теперь я сама должна бороться за свою жизнь. Эти уроды не просто лишили меня родителей, они лишили меня детства и юности, навсегда убив во мне светлую чистую наивность, оставив в сердце жестокость и осознание того, что мир жесток и судьба порой несправедлива. Но тогда, я даже не подозревала, сколько еще слез мне предстоит пролить, прежде чем судьба убьет мою наивность окончательно, насколько жестокой окажется моя судьба и насколько жестокой стану Я в постоянной борьбе со своей судьбой.

Когда мы выехали из города, я достала из сумки ключи и документы на дом и отдала их Герману.

– Продать пока не получится, придумай, что-нибудь. Я никогда туда больше не вернусь.

– Нужно будет оформить наследство, – сказал Герман.

– Дом записан на меня, – ответила я.

Глава 2.

Город Ижевск район Кирово ул. Николая Архипова.

Ижевск – красивый Сибирский город, окруженный хвойными лесами и болотами, по численности населения, более миллиона человек, и по площади, он в разы превосходит мой родной тихий Ивановск.

Почти всю дорогу до Ижевска, мы ехали молча.

Я все время думала о том, что ждет меня дальше, как примут меня родители Германа и примут ли вообще, и, если не примут, что будет со мной...

Пока мы доехали, я вся издергалась, старалась этого не показывать, но Герман видел, как сильно я переживаю.

– Настя, – сказал он, когда мы подъехали к дому. – Я прошу тебя, не переживай, – он взял меня за руки и посмотрел мне в глаза. – Милая моя, все будет хорошо, поверь мне, – нежно сказал он.

И я поверила, поверила и доверила ему свою жизнь.

– Идем, – уверенно сказал он и мы вышли из машины.

Родители Германа жили в трехэтажном доме за городом. Небольшой коттеджный район, среди деревьев, вдали от городской суеты. В доме, помимо родителей, жила гувернантка – Наталья Петровна, она жила и работала у них так давно, что стала, практически, членом семьи. Туся – так звали ее в семье Германа. Еще в доме имелся садовник и горничная.

Ворота нам открыл охранник, на пороге дома встретила Туся. Мы вошли в большую гостиную, я осмотрелась и мне захотелось сбежать. После маленького городка и тихого уютного домика, здесь, во всем этом богатом интерьере, я чувствовала себя глупо и нелепо.

В больших кожаных креслах у камина сидели: мама – Марта и отец – Марк.

У Германа было три старших брата: Аскольд, Рик и Генри, но они жили отдельно, с родителями жил только Герман. Никто из братьев Германа еще не был женат, хотя старшему из них – Аскольду, было уже 30-ть.

Семья Германа – семья немцев, приехавших в Россию уже очень давно. Все сыновья Марка и Марты родились уже здесь, в России.

Глядя на родителей Германа и на всю окружающую обстановку, я чувствовала себя неловко, наверное, как гадкий утенок. Да, я стройная и красивая, очень даже не глупая, но я выросла совсем в другой обстановке, и носила не элегантные платяца, а джинсы и кроссовки, да и характер у меня не, как у утонченной леди, а, скорее, как у парня.

Марта – эффектная женщина, строгая и серьезная на вид, встретила меня, очень даже приветливо, да и Марк тоже. Оказалось, они знали, что у Германа в соседнем городе есть любимая девушка, но, совершенно не знали кто она.

Когда Герман вернулся из армии, он с головой окунулся в молодецкую хмельную жизнь: пиво, кабаки. Так прошел год, начался второй. Мать переживала – распустился, отец надеялся – остепенится. И Герман остепенился.

Когда, здесь, в Ижевске ему наскучило, он с друзьями стал ездить в соседний городок – Ивановск, и вот оттуда, однажды, он вернулся совсем другим. Он перестал шататься по кабакам, восстановился в, некогда брошенном, университете на заочное отделение и попросил отца взять его на работу. Он перестал кутить, но не перестал ездить в Ивановск, все свои выходные он проводил там. Спустя несколько месяцев, он признался родителям, что причина таких перемен в нем – Настенька, которую он очень любит. Родители радовались за Германа и сегодня приветливо встретили нас.

«Что ж, – с тоской подумала я. – Это вы еще просто не знаете, какую Настеньку, вам в дом привел сын».

– Мама, папа, это – моя Настенька, – представил меня родителям Герман.

– Очень рады тебе, Настенька. – Марк и Марта, улыбаясь, смотрели на меня.

Мы присели рядом с ними у камина. Меня стали расспрашивать обо всем, а я просто не знала, что им отвечать и чувствовала себя совсем по-идиотски.

– Мама, – пришел мне на помощь Герман. – Мы очень устали с дороги, давай вы завтра поговорите.

– Конечно, конечно, отдохайте, – ответила Марта, хотя сама, видимо, догадалась, что Герман хочет сначала сам с ними поговорить.

Герман проводил меня к себе в комнату, а сам вернулся к родителям. Подошел и молча присел рядом с ними, не зная с чего начать. Он прекрасно понимал, что родители, мягко говоря, будут не в восторге от услышанного.

– Ну, рассказывай, – подтолкнул его отец.

Герман серьезно посмотрел на родителей и рассказал, что произошло за последние три дня. Во время его рассказа, Марта, периодически, вздыхала и ужасалась. Марк же, серьезно слушал сына, не перебивая его. Когда Герман замолчал, Марк несколько минут пристально смотрел сыну в глаза, невозможно было понять, о чем сейчас думает Марк, выражение его лица не говорило, абсолютно ни о чем. Таким он был всегда, когда дело касалось серьезных вопросов – уверенный, непоколебимый и никаких внешних эмоций, абсолютно никаких, всегда спокоен внешне, и никто не мог понять о чем, он думает на самом деле. Марта же, не скрывала своих эмоций, но пока, не вмешивалась в разговор мужчин.

– Герман, – строго, но спокойно сказал Марк. – Ты, понимаешь, о *чем* ты говоришь? Я бы принял любой твой выбор, каким бы он не был. Ты уже взрослый и тебе решать, как жить дальше, но Настя, по сути, еще ребенок! Разве так я воспитывал вас?! И речь здесь, не только о законе, речь о марах! Ты ведь не сестру в дом привел, ты просишь удочерить тебе жену!

– Я все понимаю, отец. Я никогда не перечил тебе, не стану делать этого и теперь. Я уважаю, принимаемые тобой решения. И если, ты скажешь – «нет», я просто уйду. Уйду вместе с Настей. Если мне не удастся подкупить опекунский совет, я буду ждать ее возвращения из интерната. Я никогда не откажусь от Насти и не оставлю ее. Никогда, – серьезно сказал Герман и посмотрел отцу в глаза. – Я очень люблю ее, папа. Очень люблю. Я не смогу жить без нее.

– Герман. – Марк серьезно смотрел на сына. – Ты уже «испортил» эту девочку?

– Да, – виновато ответил Герман и опустил голову.

– И тогда, ты уже знал, сколько ей лет?! – Марк был в смятении.

– Да, – ответил Герман, посмотрев на отца.

Марк сурово смотрел на сына.

– Иди, Герман, я должен подумать, – строго сказал он.

Герман послушно встал и пошел к себе в комнату.

За исключением почти двух лет разгульной жизни, он никогда не спорил с отцом, да и его братья и друзья тоже. Все знали – Марк сделает так, как решит сам. Спорить и уговаривать – бесполезно, да это было и не к чему. Марк – мудрый и уравновешенный человек, никогда не принимал поспешных решений, все взвешивал и обдумывал, он прислушивался к мнению близких людей, но решение всегда принимал сам и всегда оказывался прав.

Сегодня речь шла не о делах, а о судьбе Германа и Насти и Герман очень надеялся не только на разум отца, но и на его отцовское сердце.

Пока Герман разговаривал с родителями, я места себе не находила – ходила по комнате из угла в угол, а когда он вошел в комнату хмурый и серьезный, я все поняла – знакомство не удалось.

– Гера, – я подошла к нему и взяла его за руки. – Все плохо, да?

Он обнял меня и поцеловал в щеку.

– Все будет хорошо, девочка моя. Я все равно никому тебя не отдам, – прошептал он.

Я видела, как он расстроен и не стала больше ни о чем спрашивать.

«*И так все понятно*» – подумала я.

Когда Герман поднялся наверх, Марк сидел и долго думал о том, как ему поступить. С одной стороны – было возмутительным то, что сын привел в дом столь юную девушку. С другой – он видел, как сильно Герман любит Настю, он изменился рядом с ней, стал серьезнее и ответственнее. Настя для него не очередное увлечение, он, действительно, серьезно любит эту девочку. Но, как допустить, чтобы сын стал жить с ребенком? А что будет, если не допустить? Он и так с ней уже живет. Марк впервые был в таком замешательстве. Он вовсе не был интеллигентом – чистоплюем, нет, на нем самом было не мало грехов, но он всегда вел себя достойно: никогда не порочил честь женщины, а дети для него, вообще, были делом святым. Марк с надеждой посмотрел на Марту. Она и сама была в недоумении, но Марта очень сильно любила своих сыновей и, в отличии от Марка, думала, в основном, сердцем, когда речь шла о детях.

– Ты знаешь, Марк, – заговорила она. – Это, конечно, все несколько неординарно, и очень ужасно, все то, что произошло с Настей. Она, конечно, еще очень юнна, но подумай, что будет с ней в интернате, среди жестоких брошенных подростков, что там могут сделать с ней. Герман любит ее, ты сам это видишь. Он же, не силой ее привез. Может, стоит дать им шанс и не ломать им обоим жизнь.

– Марта, но она еще очень маленькая и глупая, может она, вообще, не осознает насколько все серьезно. Она не хочет в интернат, это понятно, но...

– Марк, перестань. Ты же знаешь Германа, он не сделал бы столь серьезный шаг, если бы не был уверен в Насте. Насколько бы сильно он не был влюблен, он не поступил бы безрассудно в такой ситуации, – уверенно сказала Марта. – Ты же можешь все это уладить. Ты ведь и сам хочешь счастья Герману, так пусть они будут счастливы, а ты сделай так, чтобы не возникало вопросов по этому поводу.

Марк прислушивался к Марте, когда речь шла о детях. Сам он воспитывал сыновей жестко и позволял материнской любви и заботе уравновешивать такие вопросы.

– Ну, что ж, – сказал Марк. – Мы на самом деле, еще совсем не знаем эту девочку, а своим сыновьям я доверяю, как себе. Герман, наверняка, осознает, что он делает.

Марта заулыбалась и поцеловала Марка.

– Законнее и надежнее, – продолжал Марк. – Удочерить Настю, нежели «покупать» опекунский совет, который может поменяться или «перепродаться» за четыре года. Так и поступим.

– Что скажем сыновьям и друзьям? – поинтересовалась Марта.

– Пока ничего, – ответил Марк. – Кроме того, что Настя невеста Германа и теперь она член нашей семьи...

Герман не спал всю ночь. Он думал о том, что будет завтра, когда он осознавал то, что отец может не пойти ему на уступки он, обнимая Настю, крепко прижимал ее к себе, боясь даже думать о том, что их могут разлучить...

Я проснулась рано, Герман по-прежнему не спал.

– Привет, рыбка моя, – он поцеловал меня и старался улыбаться, но я видела, что он переживает.

– Герман, ну не переживай так, – тихо сказала я, коснувшись ладонью его щеки. – Я обязательно вернусь к тебе, если ты станешь ждать меня. Ты будешь ждать меня, Герман?

– Чего бы не решил отец, я не оставлю тебя, Настенька. Я всегда буду рядом с тобой. Я буду ждать тебя всю свою жизнь, если это будет нужно. Мне не нужен ни кто, кроме тебя. Я очень люблю тебя, девочка моя и ни кому тебя не отдам, – он поцеловал меня в щеку и крепко обнял ...

Часа через полтора, мы к тому времени уже встали и оделись, в дверь постучали.

– Войдите, – хмуро сказал Герман, решив, что это Туся пришла звать нас к завтраку.

– Доброе утро, дети, – в комнату вошла Марта.

– Доброе утро, – почти одновременно ответили мы с Германом и растерянно посмотрели на Марту.

– Герман, отец ждет тебя внизу, – спокойно сказала она.

Герман посмотрел на меня и вышел из комнаты. Марта осталась и внимательно смотрела на меня, я продолжала стоять в полной растерянности, совершенно не понимая, что говорить и, что делать.

– Ну, что Настя, давай знакомиться, – сказала она, видя мое замешательство.

Я, сначала очень стеснялась, не зная, как ее называть и, как вести себя с ней. Но, Марта оказалась очень мудрой и доброй женщиной, она сама вела разговор и скоро я уже не чувствовала себя, так скованно. Мы проболтали часа два и она ушла к себе, предупредив, что вечером будут гости...

– Доброе утро, папа, – хмуро сказал Герман, спустившись в гостиную к отцу.

– Доброе утро, Герман, – ответил Марк. – Ты на работу едешь? – как ни в чем не бывало, спросил он.

Герман же, терял терпение от неизвестности.

– Что ты решил, папа? – прямо спросил он.

Марк серьезно посмотрел сыну в глаза.

– Я доверяю тебе, Герман, и желаю вам счастья, – ответил он.

– Спасибо, папа, я верил, что ты поймешь меня, – серьезно сказал Герман и крепко обнял отца.

Герман и Марк уехали на работу, я почти весь день провела в комнате, спустившись лишь пообедать. Чувствовала себя неуверенно и одиноко, когда вернулся Герман, я облегченно вздохнула.

– Привет, моя маленькая, – он нежно поцеловал меня в щеку.

– Привет.

– Ты что, целый день провела здесь?

Я промолчала.

– Настюш? – Герман посмотрел на меня, он понимал, что я очень стесняюсь и поэтому сижу в комнате.

– Не дави на меня, Герман.

– Даже в мыслях не было, я очень хочу помочь тебе освоиться. Ребята скоро придут.

Идем.

– Идем, – неуверенно ответила я.

Мы спустились вниз и присели у камина, уже совсем скоро в доме стали собираться родные Германа.

Аскольд, Рик, Генри – старшие братья Германа. Они были похожи между собой: высокие, крепкого телосложения брюнеты, но старшие братья были больше похожи на Марту. Герман похож на отца и лишь у Германа были такие ярко-синие глаза.

Илья, Данила, Никита, Степан – близкие друзья семьи. Степану, Даниле и Никите, на вид, было лет по 30-ть, Илья выглядел лет на 20-ть старше. Ростом они были пониже братьев, не такие жгучие брюнеты – темно-русые волосы, слегка с сединой. Все они казались добрыми на вид, но их мускулистое телосложение (видимо ребята, как и я, любили спорт), взгляд – твердый и уверенный говорили о том, что это весьма серьезные ребята.

Вера – жена Данилы и Наталья – жена Степана, приятные милые женщины. У Степана и Данилы было по двое сыновей – веселые озорные мальчишки.

Глеб – совсем молодой парень, чуть старше меня. Молодой, но вполне серьезный и такой же крепко-сложенный, как и все. Он был скорее не другом, а членом семьи. Глеб жил со своей

матерью, в соседнем доме, но очень часто бывал у Марка. Как выяснилось позже, уже не первый год, Марк пытался заменить ему погибшего отца.

Федор – начальник Службы Безопасности Марка, серьезный мужчина лет 30-35-ти.

Телосложение, стрижки, внешний вид – они все казались одинаковыми, «спортивная команда» – подумала я, увидев их впервые. Никита, в отличие от остальных, занимался медициной.

Старшие братья Германа и близкие друзьями семьи – знакомство прошло легко и непринужденно. Меня представили, как невесту Германа, не вдаваясь в подробности.

Когда собрались все, Марта попросила нас пройти к столу.

– Ребята. – Марта привстала из-за стола и, улыбаясь, посмотрела на меня. – Это – Настенька. Ради которой наш Герман перестал дуреть и взялся за ум, – радушно говорила она. – Невеста и будущая жена Германа.

Мне было неловко среди, совсем еще незнакомых людей.

– Мы очень рады тебе, Настенька, – сказал Аскольд.

– Спасибо, – смущаясь, ответила я.

– Теперь «Маленькая Настенька» полноправный член нашей семьи, – сказал Марк.

– За тебя, Маленькая Настенька! – подняв бокалы, сказали все присутствующие.

Марк назвал меня Маленькой Настенькой, потому что среди всех собравшихся, не считая Глеба, я, действительно, выглядела маленькой.

О моем возрасте Марк никому ничего не сказал, впрочем, как и об удочерении и о том, что я еще и в самом деле маленькая никто не знал, но я так и стала теперь для всех «Маленькой Настенькой».

Братья Германа были добрыми и радушными в кругу семьи. Такими воспитали их Марк и Марта. Все, как один – сильные, смелые и уверенные в себе, но в то же время, справедливые, рассудительные и добрые.

Такими же были и друзья Марка и братьев. Марку и Марте удалось создать крепкую сплоченную семью и меня в этой семье приняли тепло.

После ужина, мы с Германом поднялись наверх к себе в комнату, и, приняв душ, собирались ложиться спать. Я все еще чувствовала себя неуверенно и скованно в этом, еще совсем чужом мне, доме.

Герман обнял меня и крепко прижал к себе.

– Ну, что ты, рыбка моя? – чувствуя мое напряжение, спросил он.

– Мне нужно привыкнуть, – растерянно ответила я.

– Ты привыкнешь, Настенька, обязательно привыкнешь.

Герман нежно поцеловал мои губы, его ладонь скользнула под подол моей ночной рубашки и... я снова напряглась. Он посмотрел мне в глаза, в них все еще не было уверенности. Он обнял меня. Я чувствовала его тепло, его доброе и нежное отношение ко мне.

– Настенька, любимая моя. Ты и меня, все еще боишься? – тихо спросил он.

– Нет, – я улыбнулась. – Прости, просто...

– Все будет хорошо, рыбка моя. Ты веришь мне?

– Да, – тихо ответила я.

Он стал нежно целовать меня. «*Ты, теперь жена*» – говорила себе я, стараясь прогнать свою скованность.

– Настя... Настенька... Долгожданная моя... Милая моя... Я так люблю тебя, девочка моя...

– Доброе утро, милая моя, – сказал мне Герман, когда я открыла глаза.

Он уже был одет.

– Привет, ты уходишь? – спросила я, присев на постели.

– Я на работу, – он присел рядом со мной на постель, взял в ладони мое лицо и нежно поцеловал меня. – Не грусти без меня. Хорошо.

– Хорошо, – ответила я и он ушел.

Я осталась одна, совершенно не понимая, что делать, умылась, оделась и встала у окна. Сумасшедшая неделя, которая, в корне, поменяла мою жизнь. Я снова думала о маме, пытаюсь осмыслить, как мне жить дальше без нее, без ее советов и поддержки. Я очень скучала по ней, мне было очень плохо без нее. Я все еще не верила в то, что уже больше никогда я не смогу увидеть ее, не смогу вернуться к прежней, привычной для меня жизни...

В дверь постучали и в комнату заглянула Марта.

– Доброе утро, Настя. Можно к тебе? – спросила она.

– Да, конечно, – растерянно ответила я, продолжая стоять у окна.

Она подошла ко мне и посмотрела мне в глаза.

– Настя... – она хотела, что-то сказать, но, посмотрев на меня, замолчала.

Я смотрела на мать Германа и вспоминала свою, пыталась сдержать себя и не могла. События последних дней порядком поистрепали мне нервы, и рядом больше не было мамы, мне не с кем было поговорить... На глаза наворачивались слезы, Марта заметила это.

– Настюш, ты чего? – тихо спросила она.

– Извините, – так же тихо, ответила я, смахнув со щеки слезу. – Я... Все хорошо, правда, – глотая слезы, говорила я. – Марта Аскольдовна, простите... – я изо всех сил старалась держать себя в руках.

«Бедная девочка, – думала Марта. – Мамина еще совсем».

Марта подошла ко мне, обняла и по-матерински погладила по голове.

– Больно тебе, милая? – тихо спросила она.

Я, не в силах ничего сказать, просто закивала головой, слезы уже ручьем текли в плечо Марты, она крепче обняла меня.

– Пройдет время, Настюша, боль отступит. Все наладится.

– Спасибо Вам, – сказала я, проплакав у нее на плече минут десять.

– Не стоит, Настя, присядь, – сказала она, мы присели с ней на диван. – Поговори со мной...

Глава 3.

Так началась моя новая, взрослая жизнь. Марк имел довольно большой строительный бизнес. Человеком он был известным и уважаемым. Его фирма успешно развивалась и приносила хороший доход. «Империя строительства» являлась крупнейшей строительной фирмой по краю, в фирме имелось 15-ть филиалов, 10-ть из них находились в Ижевске, остальные 5-ть в соседних городах. «Империя строительства» за много лет работы зарекомендовала себя, как надежная и высококачественная фирма, конкурентов у нее практически не было, открывающиеся «молодые» фирмы просто не выдерживали конкуренции и прогорали, что добавляло Марку завистников и недоброжелателей. Все сыновья и друзья Марка работали директорами филиалов фирмы.

Первое испытание ждало меня спустя две недели нашей совместной жизни с Германом. В городе состоялось массовое гуляние по поводу дня города. Герман, братья, Никита, Данила и Степан с женами, мы все отправились гулять. Марк и Марта остались дома с маленькими сыновьями Данилы и Степана.

Аттракционы, мороженое, воздушные шары, мыльные пузыри... Мы очень весело провели этот день, точнее половину этого дня...

Решив немного передохнуть, мы присели на скамью в парке, Герман отошел до киоска, который стоял здесь же, метрах в 10-ти.

Мой взгляд привлекла компания молодых людей, которые тоже шли к киоску. Три довольно выпивших парня и пять, таких же, хорошо подвыпивших девиц. Девушки выглядели так, будто их только что сняли с панели – пояс вместо юбки, вульгарные сильно открытые топы, см. 12-ть каблук, ярко накрашенные лица... Молодые парни показались мне знакомыми, когда они подошли ближе, я поняла, где я их видела, и я не просто видела их, я общалась с ними. Это были именно те парни, которые приезжали в Ивановск с Германом и каждые выходные клялись в любви моим подругам. Сейчас, они не стесняясь, откровенно обнимали этих полуголых девиц. Я пришла в легкий ужас, от осознания того, что здесь они гуляют с этими, а в Ивановске с моими подругами. **«Какая мерзость, – подумала я. – И это друзья Германа?»** Мне было мерзко смотреть на этих девиц, но вся мерзость ждала меня впереди...

Парни и трое девиц присели на скамью рядом с нашей скамьей. Двое девиц подошли до киоска, у которого все еще стоял Герман.

– Герыч, блин, здорова!

– Ты че это, про нас совсем забыл?

Девушки, не стесняясь, вешались на Германа, одна из них расцеловала его щеки.

– Я скучаю, милый, ты же знаешь, – вульгарно улыбаясь, сказала она.

Герман пытался отмахнуться от них, но они и не думали отстать от него.

Мерзость и ужас переполняли меня. Я встала со скамьи и в полном недоумении смотрела на Германа.

– Настя, – Аскольд взял меня за руку. – Не стоит, Настя...

– Что это? – спросила я Аскольда, продолжая смотреть на Германа.

– Девчата, свободны, топаем, – Герман все еще пытался отделаться от них.

– Герыч, блин, я не пойму, ты че? – спросила девица.

– Герыч встал на путь истинный, – усмехнулся один из парней, этих девиц.

– Да ладно? – удивилась та, которая целовала Германа и посмотрела на меня. – Это она, твоя новая жертва? – издеваясь, спросила она. – Это ж, мышь серая. В каком подвале ты ее нашел?

– Идем, – купив пива, сказала вторая девица. – Очень скоро эта мышь наскучит ему и он вернется к нам. Правда, Герочка? – нахально улыбаясь, она посмотрела на Германа. – Мы ждем.

Девушки подошли к своим парням, те встали со скамьи и они все вместе удалились.

Еще никогда в жизни я не испытывала, такого унижения. Герман подошел к нам. Друзья и братья серьезно смотрели на него. Я была просто в ужасе. В горле стоял ком. Мне было мерзко, стыдно, горько и обидно.

– Настя, – Герман взял меня за руку.

– Не смей трогать меня, – прохрипела я, вырвала свою ладонь из его рук, из глаз моих покатались слезы.

Полными боли глазами я посмотрела в глаза Германа и убежала прочь из парка. Герман пытался остановить меня, но я сумела затеряться в толпе отдыхающих. Я не могла смотреть на Германа, я, вообще, не могла смотреть ни на кого из них. Я просто бежала, не зная куда. Выбежав из парка, я остановилась и пошла пешком. **«Куда я иду? Куда мне идти? Какая разница?»** Часа два я просто бродила по городу, не зная, что делать. Я не могла поверить в то, что мой добрый и нежный Герочка, может быть таким. Я присела на скамью и поняла, что совершенно не понимаю, где я нахожусь. Я просто потерялась в большом незнакомом мне городе. Я подошла до ближайшего киоска, купила сигарет и присела обратно на скамью. **«Что делать? Куда идти?»** Еще часа два я просидела на лавке. На меня обратил внимание, дежуривший рядом наряд милиции. **«Только вас мне не хватало»** – подумала я и встала, чтобы уйти куда-нибудь, но не успела. Один из милиционеров подошел ко мне.

– Здравствуйте, гражданка. Старший лейтенант Петров, – он показал мне удостоверение. – Предъявите паспорт, – он серьезно смотрел в мое зареванное лицо.

– Зачем?

– Для установления личности. Банальная проверка. Чего Вы так испугались?

– Я не испугалась. У меня нет с собой паспорта.

– Фамилия, имя, отчество. Адрес.

Я молчала.

– Девушка, я доставлю Вас в отделение, – сухо сказал милиционер.

Что я могла сказать? Назвать Ивановский адрес и родную фамилию, доберутся до опеки. Назвать адрес Марка? Зачем? Чего бы я сейчас не сказала, у Марка могут возникнуть проблемы, а я очень не хотела этого. Дело об удочерении в производстве... А зачем им теперь меня удочерять? Я не знала, что делать. Я просто сидела и молчала. *«Мамы нет. Дома у меня теперь тоже нет. Герман? Похотливый кобель. Марк? Зачем я им нужна? Все равно, ждет меня лишь интернет. Будет так, как должно быть» – горько думала я.*

– Девушка.

Я продолжала молчать.

– Пройдемте, – он взял меня за локоть и усадил в машину.

Мне было уже все равно, куда меня везут, вообще, наплевать на все.

Меня привезли в отделение и проводили в кабинет следователя.

– Фамилия, имя, отчество, – начал «пытать» меня следователь.

Я не знала, что им отвечать и просто сидела и молчала. Через час, менту надоело разговаривать самому с собой и он позвал дежурного.

– Определи ее в обезьянник. Может, поразговорчивее станет.

Меня провели в клетку, где сидело полупьяное уличное отребье. Я тихо присела в угол клетки, прямо на пол.

– Слышь, красавица, закурить дай, – довольно выпившей женщине, лет 35-ти, видимо было скучно и она решила достать меня.

Я посмотрела на нее – тюремные наколки, внешний вид, поведение – зэчка – решила я про себя, при чем, довольно самоуверенная. Кроме нее, в камере сидели три подобные ей и четыре проститутки. *«Попала, блин. Привыкай, Настя, к веселой самостоятельной жизни»* – горько усмехнулась я про себя. Я не стала ей отвечать, просто отвернулась.

– Сюда секи. Ты не слышишь, что ли? – она не собиралась отстать от меня. – Малолетка гребаная, закурить говорю, дай.

Я снова промолчала. Она встала с полу и подошла ко мне.

– Я с тобой разговариваю, срань малолетняя, – злобно прорычала она и замахнулась, намереваясь зарядить мне в ухо.

Спасибо спорту, я умело перехватила ее кулак, встала и нанесла ей ответный удар.

– Не трогай меня, – прошипела я.

Но она не собиралась прощать мне мое наглое, на ее взгляд, поведение, напротив, ее подруги подошли к ней и принялись «воспитывать» меня. Во мне закипел инстинкт самосохранения. Я отбивала их удары и умудрялась наносить удары в ответ. Но, четыре здоровые прожженные зоной бабы и я, исход был ясен изначально. Они не слабо лупили меня...

Неизвестно, чем бы все это закончилось для меня, но в камеру, услышав шум, вошли двое дежурных. Им было все равно, кто устроил кипишь, тяжелыми резиновыми дубинками они принялись успокаивать и зечек и меня.

– Совсем охренели, су.и подзаборные! – орала она...

Итог – разбитый нос и губы, у меня горела щека, обещающая посинеть и глаз тоже – это поставили зечки. Горели и болели, избитые дубинками, спина и плечи – бравые ребята менты. Зечки притихли и сели в угол, я так же тихо присела в другом углу. Мне очень хотелось пла-

кать, но не от боли, мне было очень обидно. Я поджала колени, обхватила их руками и склонила на них голову. **«Привыкай, Настя. В интернате тебя ждет, что-то подобное»** – думала я про себя, мне было уже все равно...

Проискав Настю в парке часа три, Герман вернулся домой. Братья поехали с ним к родителям. Поняв, что ждать меня бесполезно, они решили обзванивать отделения милиции. Марта нашла путь короче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.